

Хан Цзянсюэ смотрел на приближавшегося к нему дитя-обезьяну, и в памяти внезапно всплыли жалобы старших братьев и сестёр, когда те ругали своих хозяев.

«Да ты представить себе не можешь! Зайдёшь в дом после тяжелого дня, а они даже слова не скажут — с ходу хватают и давай тискать да целовать!»

«И не говори! Какая наглость! Кабы не духовный договор, разве терпел бы я подобные непотребства?»

«Целуют всё подряд: и мордочку, и пузико, и макушку! Вся пасть потом в шерсти!»

«Ха! Мои даже до лап добрались! Пришлось вытирать подушечки об их самый дорогой халат!»

«Пока сотню мелких рыбок не выкатит, я к нему ни ногой!»

...

У Хан Цзянсюэ расширились зрачки от ужаса. Этот человек — даже не его хозяин, они вообще видят друг друга впервые, а он уже тянет свои загребушие руки, собираясь зацеловать лапки!

Кроличий шок!

— Не... — еле слышно пискнул зайчонок.

Ребёнок-обезьяна, не расслышав, наклонился ближе:

— Что ты там шепчешь?

Хан Цзянсюэ вскинул голову. Его круглые кроличьи глаза вспыхнули праведным гневом, а крохотные кулачки со всей силы врезались пришельцу прямо в физиономию!

— Не смей распускать руки!

Наглец явно не ожидал от крохи подобной прыти. Без малейшей защиты он отлетел назад и врезался в каменную глыбу за оградой двора!

Раздался оглушительный треск, по валуну пошли глубокие трещины. Дитя-обезьяна застыл от изумления, хлопая глазами.

А Хан Цзянсюэ уже стоял на воротах во всём своем воинственном величии. В лапке он сжимал

игрушечный деревянный меч, острие которого указывало точно на незваного гостя.

— Ты откуда вообще выискался, извращенец?! Как смеешь вламываться в обитель бессмертного?!

Пришелец взглянул на него, тут же закрыл лицо руками и замотал головой, ойкая от боли:

— Эй-эй, какой ещё извращенец?! Я вовсе не извращенец, я пришёл проведать друга!

Зайчонок замешкался. Неужели... у бессмертного и правда есть такой друг?

Но стоило Хан Цзянсюэ хоть на мгновение отвлечься, как этот странный тип неким непостижимым образом оказался прямо рядом с ним. Он присел на корточки и вновь протянул руку к кролику:

— А сам-то ты откуда взялся? С чего вдруг усадьбу сторожишь?

Не успел зайчонок отскочить, как с верхнего этажа дома донёсся чистый, приятный голос:

— Советую убрать руки. Иначе останешься без пальцев.

Пальцы гостя замерли. В какой-то момент кроха успел упереть лезвие деревянного меча ему прямо в запястье.

— Ого, какой суровый зайчик! Мне что, уже и друга навестить нельзя? — расхохотался тот, лёгким движением сменил позицию и уселся рядом с Янь Фэйду.

Янь Фэйду не стал его прогонять, тем самым подтвердив: это и впрямь его знакомый.

Хан Цзянсюэ ахнул от изумления:

— Бессмертный! Так ты не соврал, что твой друг — извращенец?!

Янь Фэйду молчал.

Пришелец возмутился:

— Янь Фэйду, будь добр, объяснись!

Янь Фэйду тихо кашлянул и с невозмутимым видом произнёс:

— Тут нечего объяснять.

Гость цокнул языком, но, взглядевшись в лицо Янь Фэйду, тут же нахмурился:

— Я притащился из такой дали, надеясь, что тебе получше... А ты выглядишь ещё краше в гроб кладут!

Хан Цзянсюэ, сидевший против света, сперва ничего не заметил. Услышав эти слова, он в мгновение ока перемахнул через перила, промчался по крыше и спрыгнул к ногам Янь Фэйду.

Подойдя ближе, зайчонок с ужасом увидел, что бессмертный бледнее снега — на лице ни капли крови.

— Бессмертный! Что с тобой?! Разве ты не вывел яд?.. — Кролик в панике вцепился в подол его одежды.

Янь Фэйду слабо улыбнулся:

— При очищении от яда всегда так. Я потерял много истоковой крови, теперь нужно лишь дожждаться, пока растают остатки отравы.

Зайчонок облегчённо вздохнул и похлопал себя лапкой по груди:

— А-а, так это просто предсмертная вспышка!

Янь Фэйду замер.

Пришелец расхохотался во весь голос:

— Ой, не могу! Зайчик-то у нас недоучка! Как лихо перлы заворачивает, вот так номер!

Хан Цзянсюэ сообразил, что сморозил глупость. Он ведь считал себя эрудированным кроликом — пусть все его знания и ограничивались любовными романами! Пухлые щёчки тут же надулись от досады:

— Я не то имел в виду! Просто перепутал от испуга!

Янь Фэйду открыл дверь в гостиную и без лишних церемоний вытолкнул гостя внутрь:

— Не обижай моего котика.

Гость перевёл озадаченный взгляд с Хан Цзянсюэ на Янь Фэйду:

— Это же... кролик?

— А кролик не может быть котиком? — спокойно отозвался Янь Фэйду и, указав на пришельца, представил его Хан Цзянсюэ: — Это мой давний друг, преподобный Хуацзи с Равнины Пьющейся Воды.

Затем повернулся к Хуацзи:

— А это мой питомец, связанный со мной договором. Его зовут Хан Цзянсюэ.

Когда Янь Фэйду встречался с главами великих орденов, он обычно ограничивался лишь лёгким кивком. Хуацзи впервые видел, чтобы тот кому-то с таким почтением представлял обычного зверька.

Янь Фэйду опустил взгляд на Хан Цзянсюэ:

— Раз ты одолел марионетку и даже не побоялся дать отпор незваному гостю, значит, занятия не прошли даром. Главное для мечника — отвага. Ты молодец. Через пару дней я обучу тебя новому стилю.

Зайчонок просиял и радостно вскинул лапки:

— А мне принести вам чаю?

Янь Фэйду ласково погладил его по пушистой головке:

— Не нужно. Уж полночь, ступай спать.

Но Хан Цзянсюэ не спешил уходить:

— А утром я могу прийти к тебе на завтрак?

Янь Фэйду кивнул. Зайчонок нежно потёрся мордочкой о его ладонь и лишь после этого неохотно удалился, напоследок одарив преподобного Хуацзи свирепым, истинно сторожевым взглядом!

Хуацзи с недоумением уселся на циновку. Едва Янь Фэйду прикрыл дверь, как гость высказался:

— Надо же... К тебе он сам лезет ласкаться, а стоит мне пошутить — так сразу в морду!

Янь Фэйду опустился на циновку напротив и трижды постучал по низкому столику — знак слугам-марионеткам подать чай.

— Он мой домашний любимец, с чего бы ему ластиться к тебе? Ты с самого начала повел себя как сумасброд, вот он и испугался.

Хуацзи фыркнул. Везти за собой бродячий театр было его маленькой страстью — не на пустой же лодке плыть. Внимательный взгляд ещё издали уловил пушистый комочек на заборной кладке. Подошёл ближе — а там кроха размером с ладонь. Шёрстка светло-коричневая, точно растопленный сахар, пузико круглое — так и просится, чтобы его потискали, щёчки мягкие, словно свежие булочки, а глаза прозрачные, как леденцы! Ну разве можно было удержаться и не чмокнуть такую прелесть?

— Ладно-ладно. Я-то думал, ты до конца дней останешься бирюком, а у тебя, оказывается, теперь есть ушастый компаньон.

Янь Фэйду усмехнулся:

— Кто сказал, что я буду доживать век в одиночестве?

Хуацзи опешил:

— Ты... ты же ни к кому чувствами не пылал? Сколько к тебе липли, сколько козней строили — тебе всё было равно.

Марионетка внесла горячий чай. Янь Фэйду сделал глоток, и на его бледных губах проступил красящий румянец.

— Это потому, что я не знал, какую судьбу мне уготовил Лунный Старец.

Хуацзи обомлел:

— Что за ахинею ты несёшь?! Ты всё это время пластом лежал, где ты успел сыскать суженую?!
— Тут до него кое-что дошло, и лицо его вытянулось от ужаса: — Только не говори, что это тот зайчонок?! Сколько ему лет-то вообще?! Он хоть понимает, что такое любовь?! Вот уж правду люди говорят: нет у тебя ничего человеческого! Я-то тебя защищал, а ты, оказывается, совращаешь несмышленных животных!

Янь Фэйду одарил его холодным взглядом, от которого Хуацзи мгновенно прикусил язык.

— Со временем сам всё поймёшь, — произнёс Янь Фэйду, и при мысли о возлюбленном взгляд его смягчился.

Хуацзи дался диву: кто бы мог подумать, что на ледяном лице Янь Фэйду появится подобная нежность? Но его отношение к кролику всё равно казалось странным. Янь Фэйду родом из Обители Опавших Персиков, где всяких духов и зверья видишь на каждом шагу, однако он никогда не проявлял к ним такой теплоты.

Впрочем, Хуацзи пришёл сюда не ради пустых сплетен.

— Меня уже допекли. Сами к тебе идти боятся, вот и шлют меня. В мире самосовершенствования некоторые ордена, видать, загребли куш и взялись чинить Небесную лестницу. Хотят вернуть тех, кто обитает в Облачном Море за Пределами Небес.

— Вот как? И никто не дерзнул спросить разрешения у Обители Опавших Персиков? — с иронией изогнул бровь Янь Фэйду.

— Да кто посмеет! Небесную-то лестницу срубил сам основатель вашей Обители, — Хуацзи крутил в ладонях пиалу с чаем, грея пальцы.

Все эти ордена действовали втайне от Обители Опавших Персиков.

— Если наш мир всё ещё существует в мире и покое, им следовало бы вознести благодарность нашему патриарху, — подперев щеку рукой, улыбнулся Янь Фэйду, но в глазах застыл лёд. — Будь Небесный мост цел, твари из Облачного Моря за Пределами Небес давным-давно устроили бы здесь кровавую баню.

В каждом слове Янь Фэйду звучало презрение к обитателям Облачного Моря за Пределами Небес. Хуацзи предпочёл промолчать — всем ведающим было известно, что этот бывший ученик Обители Опавших Персиков сам прибыл оттуда.

Облачное Море за Пределами Небес казалось обителью небожителей, но на деле представляло собой отдельный мир, затерянный в вышине. С нижним миром его связывала лишь Небесная лестница. Когда её уничтожили, спуститься стало возможно только через разрывы в ткани пространства, где бушуют смертоносные ураганы. Великим бессмертным эти бури не страшны, но Янь Фэйду спустился туда, едва достигнув стадии Заложения Основания.

Обитель Опавших Персиков приютила его.

— Починят они лестницу или нет, они всё равно найдут способ спуститься. А о том, как с ними поступить, я уже говорил.

Хуацзи скривился, точно от зубной боли:

— Мы просто хотели узнать, не стоит ли принять меры предосторожности... Но твой метод — это починить лестницу, а когда они начнут спускаться, перебить всех до единого! Но... они ведь ещё ничего не сделали!

Янь Фэйду, сытый по горло этими разглагольствованиями о морали, поморщился:

— Вершина помыслов этой братии — вознесение. Однако за тысячу лет ни один из них не достиг небес. А в нижнем мире совершенствующиеся, познавшие мирскую жизнь, возносятся один за другим! Как им не исходить желчью от зависти? Это сборище трусливых и безжалостных тварей. Спустившись сюда, они ради вознесения пойдут на всё — даже вырывать золотые ядра у живых людей. И ты говоришь, они ничего не сделали... Если ты встретишь юношу и будешь точно знать, что в будущем он вырежет тысячу невинных душ, ты отпустишь его только потому, что он ещё не успел пролить кровь?

Хуацзи терпеть не мог подобные философские споры:

— Разумеется! Если с парнем что-то не так, мы можем присмотреть за ним, наставить на путь истинный!

Янь Фэйду протянул ему книгу со стеллажа.

Хуацзи опешил:

— Это ещё зачем?

— Такие праведники бывают только в новеллах, — тонко улыбнулся Янь Фэйду, и в свете луны его облик показался почти демоническим. — Любовь, дружба, сострадание... Это может исправить человека, пока у него есть надежда. Но как ты наставишь на путь истинный того, кто считает всё это мусором?

Разговор снова зашёл в тупик. Хуацзи только и оставалось, что вздохнуть:

— Ты всегда видишь в людях только худшее... Но ведь речь идёт о множестве жизней. Кто решится так просто поднять меч?

По сравнению с человеческими жизнями уступка ресурсов казалась незначительной платой.

Янь Фэйду терпел Хуацзи в друзьях лишь потому, что тот говорил напрямую, не пытаясь прикрыть лицемерным благородством шкурные интересы.

— Я лишь передал их просьбу, — буркнул Хуацзи, уткнувшись в книгу. — Иди ругайся с теми старикашками, а меня не втягивай!

Янь Фэйду не придавал этой проблеме большого значения. Распорядившись насчёт комнаты для гостя, он поднялся к себе:

— Делай что хочешь. Поговорим позже.

Вернувшись в спальню, Янь Фэйду увидел на маленьком плетёном ложе сладко спящего кролика.

Кошки любят спать в хозяйских комнатах: то ли демонстрируют, кто тут главный, то ли просто привязаны к человеку.

Янь Фэйду долго смотрел на него, затем аккуратно коснулся пальцем лба Хан Цзянсюэ.

Зайчонок дёрнул лапкой и сонно приоткрыл глаза, будто пытаясь разглядеть, кто перед ним. Поняв, кто это, спросонья доверчиво протянул лапки к его лицу.

Янь Фэйду наклонился ниже, и к его губам прикоснулось что-то мягкое и тёплое.

Кролик уткнулся пушистой лапкой прямо ему в губы.

Хан Цзянсюэ пожевал губами и пробормотал во сне:

— Бессмертный... не сердись... на, поцелуй лапку... идёт?

<http://bllate.org/book/20471/2132404>